

Научная статья

УДК 159.9:340.6

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Вали Фатехович Енгальчев¹, Елена Александровна Королева², Ольга Васильевна Александрова³

^{1,3} Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

² Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве, г. Москва, Россия, ekoroleva7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8320-1814>

¹ valiyen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

³ o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Аннотация. Расследование преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними, нередко затруднено по причине отсутствия иных данных, кроме показаний обвиняемого и предполагаемой жертвы. Обвинительный уклон, встречающийся в следственной практике, также представляет собой значительную проблему в обеспечении объективности расследования. Привлечение психолога, обладающего специальными знаниями, к участию в следственных действиях и судебном процессе в различных формах способно оптимизировать следственный процесс и внести весомый вклад в обеспечение объективности оценки показаний. В ряде стран, например в Германии, привлечение судебного эксперта-психолога к делам о половых преступлениях является устоявшейся практикой, обеспечивающей суд и следствие научными знаниями о степени достоверности или недостоверности показаний различных участников уголовного процесса.

Ключевые слова: специальные психологические знания, судебная экспертиза, несовершеннолетние, половая неприкосновенность, достоверность, Германия

Для цитирования

Енгальчев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В. Новые подходы к применению специальных психологических знаний при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, совершенных несовершеннолетними // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 1(1–4), № 4. С. 610–618. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618.

© Енгальчев В. Ф., Королева Е. А., Александрова О. В., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

NEW APPROACHES TO THE APPLICATION OF SPECIAL PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY COMMITTED BY MINORS

Vali Fatehovich Engalychev¹, Elena Aleksandrovna Koroleva², Ol'ga Vasil'evna Aleksandrova³

^{1,3} Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia

² Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, Moscow, Russia, ekoroleva7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8320-1814>

¹ valiyen@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

³ o.alexandrowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>

Abstract. The investigation of crimes against sexual integrity committed by minors is often difficult due to the lack of data other than the testimony of the accused and the alleged victim. The accusatory bias found in investigative practice also presents a significant problem in ensuring the objectivity of the investigation. The involvement of a psychologist with special knowledge to participate in investigative actions and judicial proceedings in various forms can optimize the investigative process and make a significant contribution to ensuring the objectivity of the assessment of testimony. In a number of countries, for example in Germany, the involvement of a forensic psychologist in cases of sexual crimes is an established practice that provides the court and the investigation with scientific knowledge about the degree of reliability or unreliability of the testimony of various participants in the criminal process.

Keywords: special psychological knowledge, forensic examination, minors, sexual integrity, reliability, Germany

For citation

Engalychev, V. F., Koroleva, E. A. & Aleksandrova, O. V. 2023, 'New approaches to the application of special psychological knowledge in the investigation of crimes against sexual integrity committed by minors', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 4, pp. 610–618, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.610-618.

Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенные несовершеннолетними, традиционно представляют собой крайне сложную категорию в части доказывания [3]. Это обусловлено специфической процессом восприятия, запоминания и изложения показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства; полимотивированностью преступных действий; отсутствием достаточного объема материальных следов; противоречивостью и трудностями в получении и оценке идеальных следов, а также иными факторами, которые требуют от следователя как самостоятельного применения знаний в области психологии и педагогики при производстве следственных действий, так и использования

стремительно развивающихся возможностей судебной психологической экспертизы и комплексных экспертиз с участием психолога.

В последние годы типичной по изучаемой категории уголовных дел является следственная ситуация, в которой имеют место объективные сомнения в правдивости показаний потерпевших или их способности верно оценить собственные действия и их последствия. Такие ситуации имеют место в случаях полного или частичного оговора со стороны потерпевшего, а также в случаях добросовестного заблуждения потерпевшего в оценке возможного характера полового контакта (в данном случае предположительный характер ставится под вопрос, а имевший место половой акт обычно не отрицается ни одной из сторон). Криминалистическими особенностями данных ситуаций, кроме прочего, являются: состояние опьянения различной степени тяжести как у субъекта преступления, так и у потерпевшего; отсутствие свидетелей произошедшего либо наличие несовершеннолетних свидетелей, также находившихся в состоянии сильного алкогольного опьянения; поступление заявлений в правоохранительные органы спустя продолжительное время, исключающее сохранение следов преступления; характеристика личности и поведения потерпевшей, свидетельствующая о ее асоциальной направленности, безрассудности, наличии стремления к добровольному вступлению в интимные отношения, способствующие повышению неверно понимаемого ею социального статуса.

Так как наиболее частой версией, сообщаемой на допросе обвиняемым, является наличие добровольного волеизъявления потерпевшей на вступление в половые отношения, следователь оказывается в ситуации, где из доказательств, на основании которых ему необходимо сделать вывод о причастности несовершеннолетнего лица к совершению особо тяжкого преступления, имеются исключительно показания подозреваемого лица и потерпевшей, содержащие существенные и неустранимые противоречия [4]. Сложность рассматриваемой ситуации заключается также в том, что показания несовершеннолетних лиц об обстоятельствах, которые они воспринимали, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нельзя однозначно оценить как правдивые или ложные, поскольку состояние алкогольного опьянения вызывает у индивида, в зависимости от его конституции и физиологических особенностей организма, нарушения в адекватной оценке собственных действий и действий иных лиц, а при тяжелой степени опьянения – полностью исключает адекватное отражение действительности. В связи с этим несовершеннолетний подозреваемый субъект, излагая версию о совершении потерпевшей действий, выражающих ее готовность и согласие на вступление в половой контакт, может быть также правдив, как и потерпевшая, свидетельствующая об обратном.

Для данных следственных ситуаций характерно не только состояние алкогольного опьянения потерпевшей, но и предшествующее совместное с субъектом употребление алкоголя, сопровождающееся сообщением потерпевшей о якобы активной половой жизни с демонстрацией осведомленности в вопросах половой сферы и другие признаки, которые могут быть расценены при благоприятных условиях (состояние алкогольного опьянения является более чем благоприятным условием) как признаки имеющегося желания и готовности к вступлению в половой контакт.

Как известно, субъект истолковывает, осмысливает и постигает ситуацию, свидетелем или участником которой он является, используя различные мыслительные операции и логические приемы. Добраивая образ потенциального сексуального партнера в условиях, когда часть информации о нем (ней) отсутствует, субъект заполняет имею-

щиеся лакуны данными, почерпнутыми из своего жизненного опыта, и расценивает их как подходящие и для этого случая. Ошибочная интерпретация обусловлена тем, что в процессе осознания воспринятого индивид, располагая данными, которые допускают различные истолкования, останавливается на одном из возможных вариантов, дорисовывая недостающие детали в своем воображении и проникаясь уверенностью в том, что эти воображаемые детали также наблюдались [7]. Таким образом, в сознании подозреваемого в совершении преступления субъекта происходит естественное искажение реальности, результатом чего становятся его действия, которые фактически содержат признаки преступления, так как совершаемый половой акт происходит без согласия на то потерпевшей. Однако нельзя считать несовершеннолетнего субъекта в данном конкретном случае безусловно виновным [5].

Примером может служить уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего Н., который, находясь в квартире по месту жительства вместе со своим другом несовершеннолетним Ш. и подругой несовершеннолетней И., после совместного употребления алкогольных напитков, в котором по собственной инициативе, без принуждения участвовала И., воспользовавшись алкогольным опьянением последней, совершил с ней половой акт и иные действия сексуального характера. В ходе следствия Н. свидетельствовал о добровольности полового акта, на что указывало поведение И. на докриминальной стадии (оказывала знаки внимания Н.; сняла футболку, оставшись в нижнем белье; вела разговоры на сексуальные темы); отсутствие сопротивления на криминальной стадии, а также безразличное поведение на посткриминальной стадии (отсутствие претензий по факту имевшего место полового акта; села на колени к Н.; совершила половой акт с несовершеннолетним Ш. непосредственно после вступления с несовершеннолетним Н. в половой акт)¹.

Исходя из данных положений можно прийти к следующим выводам: индивид может правильно воспринимать события, если органы, которые участвуют в восприятии, функционируют без каких-либо отклонений, качество восприятий зависит от индивидуально-субъективных условий и условий, в которых происходили события [1]. Установление объективных обстоятельств произошедшего представляется действительно сложной задачей, так как единственным источником информации, к которой традиционно испытывают доверие следователи и судьи, является та, которая сообщается жертвой возможного преступления. Одновременно такая категория преступлений характеризуется повышенной социальной защищенностью жертвы, что только усиливает доверие к ее показаниям.

С одной стороны, объективную необходимость такого подхода нельзя считать неоправданной, поскольку следователь исходит из сложившейся практики, когда подавляющее большинство заявлений о такого рода преступлениях впоследствии находили свое подтверждение и заканчивались приговорами причинителю вреда, с другой – получая и закрепляя доказательства виновности несовершеннолетнего лица, в отношении которого выдвинуто обвинение, следователь должен учитывать и возможность невинности подозреваемого лица, а потому предпринимать все необходимые меры, чтобы подтвердить или опровергнуть указанную возможность. Данный принцип становится особенно актуальным, если речь идет о несовершеннолетнем субъекте преступления, для которого последствия несправедливого обвинения могут быть гораздо более опас-

¹ См.: Уголовное дело № 12102450010000034 по п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в отношении Н. // Архив Солнцевского районного суда г. Москвы.

ными ввиду несформированности психических процессов, имеющих в большинстве случаев психических отклонений различной степени тяжести, а также несформированных средств адаптации к складывающейся ситуации.

Безусловно, центральным следственным действием в рассматриваемом случае является допрос, в ходе которого необходимо квалифицированно и системно оценить как вербальные (содержательные), так и паравербальные (акустические), а также невербальные признаки достоверности или недостоверности показаний. Этому следователей учат в юридических вузах. Однако на практике самостоятельная диагностика и анализ коммуникативного поведения допрашиваемого в реальном уголовном деле становятся сложно выполнимой задачей в силу того, что: а) следователь не обладает необходимой психологической компетентностью; б) являясь участником допроса, он должен одновременно выполнять план допроса и отслеживать коммуникативные реакции собеседника; в) следователь может находиться под воздействием социальных и (или) психологических установок, искажающих его объективное восприятие новых данных; г) он не всегда обладает техникой и навыками допроса лиц, искусно сообщаящих недостоверную информацию, и др.

В такой ситуации исключительно важным представляется использование специальных знаний сведущих лиц, в первую очередь специальных психологических знаний, для установления объективной картины дела. Необходимо отметить, что большинство ученых-криминалистов возлагают неоправданные, как нам кажется, надежды на участвующего в ходе допроса несовершеннолетнего субъекта психолога или педагога, который, как по мановению волшебной палочки, должен помочь в установлении психологического (более точным является определение – коммуникативного) контакта [1] между следователем и допрашиваемым, поддерживать указанные благоприятные условия, помочь сформулировать и задать вопросы, последовательность которых должна содействовать получению достоверных и подробных показаний даже при неумелых действиях следователя, а также обеспечить положительное воздействие на несовершеннолетнего с целью профилактики совершения им в дальнейшем преступлений. Данная позиция, по нашему мнению, является ненужной и даже вредной для расследования крайностью.

Психолог не может подменять на допросе следователя и производить допрос за него, что обусловлено его уголовно-процессуальным статусом как специалиста, не заинтересованного в исходе дела. На основании указанного фундаментального положения сформулирована цель участия психолога – создание соответствующего психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего, принимающего участие в следственном действии [1].

Расширив пределы использования специальных знаний для психолога, поставив перед ним цели, которые преследует прежде всего следователь, мы перемещаем психолога в категорию участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, что, ввиду низкого качества компетенций, которыми обладают следователи, и происходит на практике. Однако есть очевидные причины, почему психолог, даже при всех имеющихся у него знаниях и возможностях их использования, не может эффективно выполнять роль следователя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого. Перечислим некоторые из них:

1) психолог не наделен необходимым уровнем авторитета, так как не обладает властными полномочиями в отношении подозреваемого и его дальнейшей судьбы, что для последнего безусловно очевидно;

2) психолог крайне ограничен в познаниях о криминалистических способах и средствах доказательства вины подозреваемого, в связи с чем не может воспользоваться одним из таких важных методов убеждения, как логическая иллюстрация неотвратимости наказания;

3) психолог, не имея глубинных познаний в уголовном праве и процессе, не может должным образом показать индивиду гарантии, предоставляемые законом лицам, демонстрирующим социально одобряемое поведение, используя их как очередной метод убеждения;

4) психолог не обладает необходимым объемом знаний о пределах доказывания, собранных доказательствах произошедшего, а также обстоятельствах, подлежащих проверке, чтобы сформулировать предмет допроса.

Таким образом, при учете четкого понимания статуса психолога последний, не выходя за пределы возложенных на него полномочий и не приобретая не закрепленную в законе и, по нашему мнению, вредную для расследования заинтересованность в исходе процесса, может:

– создать условия психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего подозреваемого, действующего в состоянии многопланового конфликта (конфликт между лицом и обществом, лицом и следователем, а также внутриличностный конфликт). Данный вид применения специальных познаний не является способом создания и поддержания коммуникативного контакта между следователем и допрашиваемым, а лишь создает условия минимизации вредного воздействия ситуации на психику допрашиваемого, то есть способствует установлению указанного контакта;

– содействовать правильной интерпретации получаемой от несовершеннолетнего допрашиваемого информации, которая отражается в протоколах следственных действий;

– оказывать помощь в формулировании вопросов допрашиваемому, то есть в соблюдении законности проведения следственного действия и минимизации условий для оказания недопустимого психологического давления на несовершеннолетнего допрашиваемого и, как следствие, признания доказательств, полученных в ходе проведения следственного действия, недопустимыми;

– наблюдать и анализировать проявляющиеся в ходе допроса признаки имеющихся индивидуально-личностных особенностей, а также признаки достоверности (недостоверности) предоставляемой индивидом информации, которые могут иметь значение для индивидуализации наказания, установления причин совершения противоправных деяний, фактов совершения ранее в отношении подозреваемого другими лицами действий, содержащих признаки преступления, а также иных сведений, имеющих непосредственное значение для производства предварительного следствия.

В отечественной научно-правовой и экспертной сферах до сих пор ведется острая дискуссия по поводу возможности экспертного анализа психологических признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства [6]. В то же время в некоторых зарубежных странах судебные эксперты-психологи уже давно не только выявляют признаки достоверности информации, но и осуществляют судебную экспертизу таких показаний по решению суда. В частности, такие экспертизы проводятся в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Испании [8–12]. В немецкоязычных странах есть даже специальный термин, объясняющий необходимость судебной психологической экспертизы достоверности показаний: «Aussage-gegen-Aussage-Konstellation» («показания жертвы vs показания обвиняемого»), то есть это ситуация, когда кроме показаний двух сторон у суда и следствия больше нет никаких фактов,

подтверждающих или опровергающих сообщаемое каждой из сторон. Напомним, что в аналогичных случаях в РФ позиция стороны обвинения *argiōi* судами воспринимается и оценивается как более доказательная и убедительная.

В ФРГ от судей в ситуации «показания жертвы vs показания обвиняемого» ожидается максимально внимательное отношение к оценке достоверности показаний стороны обвинения, а из мотивировочной части решения должно следовать, что суд выявил все обстоятельства, которые способны повлиять на решение, и что последние были учтены при принятии решения. Федеральный Верховный суд ФРГ формулирует требования к оценке показаний в ситуации «показания жертвы vs показания обвиняемого» конкретнее и констатирует необходимость тщательного анализа содержания и максимально возможной точности реконструкции истории возникновения обвинительных показаний, изучения мотивов дачи таких показаний, а также оценки их детальности и убедительности. Подтверждая независимость суда в оценке доказательств, Федеральный конституционный суд ФРГ разъяснил, что несоблюдение выработанных судами высших инстанций практических правил и принципов, основанных на достижениях современной науки, в особенности криминалистики и психологии, ведет к отмене судебных решений в случае их пересмотра [9]. Таким образом, привлечение экспертов-психологов к оценке достоверности показаний в Германии является способом внедрения актуального научного знания в процесс судопроизводства. Методика, положенная в основу судебной психологической экспертизы достоверности показаний в Германии и известная как *Statement Validity Assessment*, хотя и имеет ограничения и предъявляет высокие требования к профессиональным качествам эксперта, все же оценивается как значимый и полезный инструмент анализа достоверности показаний. Необходимо отметить, что в юридическом сообществе ФРГ есть понимание того, что методики оценки достоверности показаний, способной выступать в роли носа Пиноккио, в настоящий момент нет [8].

Для объективизации такой экспертизы в последние годы стали применяться специальные компьютерные аппаратно-программные комплексы, которые позволяют в автоматическом режиме фиксировать, систематизировать и проводить первичный анализ различных проявлений невербального поведения человека [2]. Перспективы совершенствования и использования специальных психологических знаний в судебно-следственной сфере в значительной степени связаны с развитием психологического инструментария судебных экспертов-психологов, освоением ими новых когнитивно сложных методов и цифровизацией самой экспертной деятельности.

Список источников

1. Виницкий Л. В., Сурменова С. В. Участие психолога в стадии предварительного расследования : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 267 с.
2. Гусев А. Н., Енгальчев В. Ф., Захарова Н. А. Компьютерные технологии оценки голоса и лицевых экспрессий в процессе анализа аудио- и видеоматериалов // *Armenian Journal of Mental Helth*, 2018. № 1(9). С. 66–69.
3. Еськова Л. К., Антипова А. Р. Анализ преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* 2021. № 4(30). С. 74–77.
4. Маторина Ю. Н., Маторин М. А. Принципы вины в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2019. № 3(36). С. 33–38.

5. Обухова С. А., Буданова Е. А. К вопросу о сущности виктимного поведения несовершеннолетних жертв насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2021. № 1(8). С. 83–89.

6. Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей : сб. науч. ст. М. : Рос. гос. ун-т правосудия. 2017. 244 с.

7. Тропов В. А., Портянко Н. М. Прикладная криминальная психология: психологические аспекты отдельных следственных действий, портрет личности преступника, психология несовершеннолетних правонарушителей, пенитенциарная психология, судебно-психологическая экспертиза : монография. Архангельск : Изд-во Арханг. гос. техн. ун-та, 2006. 615 с.

8. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht*, Glaubhaftigkeits und Beweislehre, München.

9. Jansen, G. 2021, *Zeuge und Aussagepsychologie*, München.

10. Köhnken, G., Manzanero, A. L., & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.

11. Melcher, H. & Amann, G. 2015, Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?', *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11.

12. Schweizerische Gesellschaft für Rechtspsychologie n.d., viewed 5 February 2023, <https://www.rechtspsychologie.ch/de/fachbereiche/gutachten/liste>.

References

1. Vinickij, L. V. & Surmeneva, S. V. 2015, *Participation of a psychologist in the preliminary investigation stage: monograph*, Yurlitinform, Moscow.

2. Gusev, A. N., Engalychev, V. F. & Zaharova, N. A. 2018, 'Computer technologies for evaluating voice and facial expressions in the process of analyzing audio and video materials', *Armenian Journal of Mental Helth*, iss. 1(9), pp. 66–69.

3. Es'kova, L. K. & Antipova, A. R. 2021, 'Analysis of crimes against the sexual integrity of minors', *Penitentiary law: Legal theory and law enforcement practice*, iss. 4(30), pp. 74–77.

4. Matorina, Ju. N. & Matorin, M. A. 2019, 'The principle of guilt in crimes against the sexual integrity of minors', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(36), pp. 33–38.

5. Obuhova, S. A. & Budanova, E. A. 2021, 'On the issue of the essence of victim behavior of juvenile victims of violent crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual', *Criminal procedural protection of the rights and legitimate interests of minors*, iss. 1(8), pp. 83–89.

6. *Forensic psychological examination and comprehensive forensic studies of video recordings: collection of scientific articles 2017*, Russian State University of Justice, Moscow.

7. Troпов, V. A. & Portjanko, N. M. 2006, *Applied criminal Psychology: psychological aspects of individual investigative actions, criminal personality portrait, psychology of juvenile offenders, penitentiary psychology, forensic psychological examination: monograph*, Arkhangelsk State Technical University, Arkhangelsk.

8. Bender, R., Häcker, R. & Schwarz, V. 2021, *Tatsachenfeststellung vor Gericht*, Glaubhaftigkeits und Beweislehre, München.

9. Jansen, G. 2021, *Zeuge und Aussagepsychologie*, München.

10. Köhnken, G., Manzanero, A. L., & Scott, M. T. 2015, 'Análisis de la Validez de las Declaraciones (SVA): mitos y limitaciones', *Anuario de Psicología Jurídica*, iss. 25, pp. 13–19.

11. Melcher, H. & Amann, G. 2015, Beurteilung der Glaubhaftigkeit einer Aussage. Verbessern psychologische Kompetenzen die Beurteilungsgüte?, *Österreichische Richterzeitung*, iss. 11.

12. Schweizerische Gesellschaft für Rechtspsychologie n.d., viewed 5 February 2023, <https://www.rechtspsychologie.ch/de/fachbereiche/gutachten/liste>.

Информация об авторах

В. Ф. Енгальчев – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии;

Е. А. Королева – аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности (Московская академия Следственного комитета Российской Федерации); следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел следственного управления по Западному административному округу (Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве);

О. В. Александрова – аспирант кафедры общей и социальной психологии.

Information about the authors

V. F. Engalychev – Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of General and Social Psychology;

E. A. Koroleva – aspirant of the Department of Criminalistics, Forensic Expertise and Operational Investigative Activities (Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation); investigator for particularly important cases of the Department for the Investigation of Particularly important Cases of the Investigative Department for the Western Administrative District (Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Moscow);

O. V. Aleksandrova – postgraduate student of the Department of General and Social Psychology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.11.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.11.2023.